

В ладонях полынь
Владимир Навроцкий

Н С С А Г Ц С И Н С С А
А Р С Е Н А Л А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н С С А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н С С А Г Ц С И
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н А Р С Е Н А Л
Н С С А Г Ц С И Н С С А

Министерство культуры РФ
Приволжский филиал
Государственного центра
современного искусства

Владимир Навроцкий

В ладонях пыль/Поэтическая серия Арсенала. -

Нижний Новгород: Приволжский филиал

Государственного центра современного искусства,

2013. - 92 с.

В. Навроцкий родился в 1979 г. в поселке Зырянка
(ныне Верхнеколымский улус Якутии).

Живет в Пензе. Первая публикация в 2003 году.

Публиковался в альманахе «Вавилон», журнале
«Воздух», «Литературной газете», сетевом журнале
«TextOnly».

С 2005 года состоит в лит. объединении «Фронт
радикального искусства».

Участник многочисленных литературных фестивалей,
в том числе в Нижнем Новгороде («Стрелка», «Ре-
чет»).

©Приволжский филиал Государственного центра
современного искусства

В рамках борьбы с ледяным адом

Два десятилетия назад Виталий Кальпиди написал во вступлении к своему дебютному сборнику «Пласты»: «Перед вами книга стихов и поэтических текстов. Она делалась примерно лет десять, и это нормально». Тогда, хотя Кальпиди и был литератором известным, а для Урала — системообразующим, такое положение вещей и вправду казалось обычным. Книги писали долго и дольше того пытались издать. Теперь времена изменились и куда чаще можно встретить безвестного автора с двумя-тремя-пятью сборниками, нежели поэта в литературных кругах популярного, однако не имеющего книги. Впрочем, допускаются исключения. Например, Владимир Навроцкий.

Публикуют его как раз лет десять: альманах Вавилона, Полутона, TextOnly, Воздух, позднее — Знамя. Но первая книга действительно выходит только сейчас.

Хорошо это или плохо? Упреждая читателя, смею заверить, что хорошо. Дело тут даже не в возможности увидеть «становление поэта», хотя в сборник вошли тексты разных лет. Дело, скорее, в мягкой смене оптики, когда на одни и те же факты (а «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» — об этом мы знаем со времён Витгенштейна) поэт смотрит с различной глубиной резкости. Ну, просто строение глаза чуть изменяется с возрастом.

Вообще, за десять лет мир его стихов внешне изменился мало. Это мир бытийный и событийный. Насыщенный предметами и людьми. Отличие произведений Владимира Навроцкого от того, что принято именовать «Новым эпосом» лишь одно: это не эпос. Слишком человеческие и человеческие у него для эпоса стихи. И наличие в большинстве текстов некоторого сюжета лишь усложняет путь: сюжетная лирика представляется в начале нового тысячелетия вещью почти невозможной. Только поэзия это ведь и есть искусство невозможного. Нечто похожее делают и другие авторы, их совсем немного: москвич Александр Курбатов, пермяк Иван Козлов... Но у каждого из них, вопреки определённому сходству

поэтик и склонности к тому, что я б посмел всё ж назвать «событийной лирикой», всё-таки свой путь, и тут мы говорим о пути Владимира Навроцкого.

Читая его одну, вторую, пятую подборку, представляешь: вот сейчас непременно произойдёт нечто этакое. Вот прямо инопланетяне и кровища через край. Или гопники выйдут из следующей строфы. Просто сам ритм многих текстов стигматизирован — пришлось употребить-таки это модное лет пять назад словцо. Обрекает этот ритм, вроде бы, на определённый стиль. Однако почти ничего не происходит. Ну, выдали девочке на кассе чек со странноватой надписью, ну, приклеилась другая девочка по зиме к качелям. Это ж не страшно. Да, совсем не страшно. Но, цитируя Навроцкого:

Знаете это ощущение из детства, когда у тебя что-то ценное взяли, сломали, забросили на трансформаторную будку?

Иными словами – катарсис. Без надежды, что «вот теперь всё будет хорошо». Хорошо-то уже было. Кажется, в детстве. Прошное в стихах Навроцкого не исчезает, а, точно в книгах Стивена Кинга, продолжает существовать само по себе. Туда можно заглянуть «из ледяного ада», и там, в этом прошлом останутся

*на блестящем комоде усатая кошка-копилка –
огромная белая, с щелью в спине, в полоску синюю
кошка –
вот вроде и всё условно живое, не считая арбуза,
хлеба
и тёплой смородины (теперь она по полу катится,
досками ловится).*

короче, тут нет никого

Впрочем, и в детстве та самая «борьба с ледяным адом» чаще оказывается безуспешной:

*Даже если губами тёплыми
обхватить шестигранный прут –
всё равно не согреть и кусочка ограды.*

*только холод, позор перед всей параллелью
отрыв, кровища, травмпункт.*

Кризис вечного возраста побуждает, скорее, не к возврату в детство, но к рождению в некий иной мир. У некоторых ведь получается? Вот танк становится ёжиком, электричка — ужиком. Вообще, поиграть с читателем Навроцкий любит. Даже и за пределами собственно стихотворений. Вот, например, в разделе «Такие девчонки» собраны стихи о невозможности минувшего. А подзаголовок «Рыбный день» наоборот скрывает за собою любовную лирику. Но понимаешь это лишь прочитав главку целиком, ибо автор ведёт свою игру весьма умело. И такая вот умелость дарит надежду: вдруг вот эта деревянная горка из хрущёвского двора окажется порталом в иное:

*Кажется, что мы стали живые, а были мёртвые.
А еще, что она нас сейчас соберет и домой унесёт.
Вспоминаю, что в юбке отодвигается вот эта доска,
четвёртая;
Голова пролезла, значит, пролезет всё.*

Здесь-то, в нынешней юдоли, ничего толкового всё равно не выйдет. Тут даже *обернуться* не получается. В смысле, оборотнем стать:

*Что ему делать, волку
с фенечкой на запястье –
бегал всю ночь, а толку.
Хочется спать и плакать;
осень, тоска и слякоть;
привкус железа в пасти*

И смерть, даже необыкновенно уютная смерть в масштабе 1:43 из главки «В ладонях полынь», избавления не дарует. За нею опять школа будет. И снова придётся нескончаемо.

*Тусоваться с вернувшимися из жизни
Ленами, Катями, Димами.
Пацанам-то полегче – мы ж как роботы, без затей;
А у девочек будут – помните? – потайные такие
тетрадки,*

*Где фольга от конфет, фотографии бывших детей,
Письма бывших мужей и гербарии – именно в этом
порядке.*

А всё от чего? А от того всё, что люди и в этой-то жизни не настоящие. Вернее, снаружи-то они настоящие, а по сути своей — не совсем. Очень уж любят сами себя обманывать. Вон как та барышня, что *Любит ходить босиком по лужам, но никогда не ходит.*

Только их и таких любить можно. Или слушать хотя бы. Об этом ключевой, пожалуй, текст сборника — «Энтропия». Изначально обречённый, вроде бы на неуспех текст. Ну, что может быть скучнее не пересказа даже болтовни случайного попутчика, а попытки убедить читателя в том, что болтовню эту слушать надо, поскольку

*Любой человек прекрасен хотя бы тем, что тёпл
человек,
разговорчив, округл и жив.*

Опять-таки, ничего, казалось бы, не происходит, но неким образом невозможный этот текст становится замечательной удачей. Почему? Не знаю. Знал бы, так, вероятно, смог объяснить «что такое поэзия», к примеру. А так позволю лишь сделать предположение, отчего поэзия Владимира Навроцкого интересна мне лично. Нет, вообще, много отчего, конечно, но в первую очередь, пожалуй, оттого, что в пластиковом мире стихи

*Из крепкого дерева, теплой меди,
кожи, стекла и шёлка.*

ценны особенно

Вероятно, как-то так.

Андрей Пермяков

Такие девчонки

Смородина тёплая в половине пластиковой бутылки,
арбузная половина, наполовину же вычерпанная
ложкой.
широкий оконный проём, за которым синее небо.
а где же тут кто-нибудь, с кем бы теперь
поздороваться?

Ну вон на блестящем комодѣ усаѣя
кошка-копилка –
огромная белая, с щелью в спинѣ, в полоску синюю
кошка –
вот вроде и всё условно живое, не считая арбуза,
хлеба
и тёплой смородины (теперь она по полу катится,
досками ловится).

короче, тут нет никого; да, в общем-то, и не надо.
о чём говорить с живыми, говорить-то и некому,
ведь я-то смотрю снаружи, из ледяного ада.
а как бы мне внутрь-то попасть, хотя бы вон
наволочкой на кровати.

Железо

На морозе лизала железо дважды, в семь и
пятнадцать.

В семь понятно зачем (низачем),
и сегодня – в рамках борьбы с ледяным адом.
Только если не веришь полностью, лучше было не
браться
даже если губами помочь (а вот этого точно не
надо).

Даже если губами тёплыми
обхватить шестигранный прут –
всё равно не согреть и кусочка ограды.
только холод, позор перед всей параллелью
отрыв, кровяца, травмпункт.

Алабяна

В следующий раз непременно снимет квартиру в
сталинке.

Чтобы колонка газовая ручная ревела,
а в соседях старушки литературные или
околотеатральные жили.

– а я им скажу: не говорите со мной как с маленькой,

ЧТО ВЫ СО МНОЙ КАК С МАЛЕНЬКОЙ.

– а ты почему, смешная ты девочка,
с нами говоришь как с большими?

Из DarkCity

Когда внезапно, без коды и титров, объявят, что
всё, конец,
Из гравиколлапса вырвется весточка, платная sms
(А что же ещё, непременно платная, конечно же,
sms),
Будет летать по Вселенной, сверкая и переливаясь:

"Всем привет, меня зовут Лена,
я слушаю Cradle of Filth
Больше никто в моём классе
не слушает Cradle of Filth
Пишите мне, если кто тоже
слушает Cradle of Filth
Будем меняться фотками и статьями про 69 Eyes"

Из кофейни

1.

рисует гелевой ручкой, от света
загородившись ладошкой.

(Не представляю себе, что именно
там у неё в блокноте).

Сдала документы на экономиста, а собиралась в

художку

Любит ходить босиком по лужам, но никогда не

ходит –

Девочка из кофейни (Дома Кино, ОГИ)

С томиком, скажем, Маркеса, с зонтиком рыжим

тростью –

Мы непременно встретимся: аська, жж, звонки,
ходки друг к дружке за книжками

Или же просто в гости.

2.

Самое отвратительное то,

что этой девочки нигде уже нет.

Коэлья не актуален, кофейни не актуальны

почти уже десять лет.

Даже и слово само - «актуально» - слово из

девяностых

(Курицын weekly, Птюч, MTV,

пыль, паутина, короста).

Может, работает андеррайтером (а начинала с

ресепшена)

Скорее всего, состоялась

как сотрудник, как мать и как женщина.

Да обязательно состоялась, ясно же, что не дура.

Часто, по старой памяти, смотрит канал «Культура».

3.

Да, этой девочки нет нигде
и

никогда
не будет.

Господи, да за что же тут
так исчезают люди.

Вроде бы и живые все,
а только уже не те.

В старом пальто, с сигаретой во рту,
каждый в своей пустоте.

На кассе

(Говорит, читая листик итоговый)
мне хотелось только тёплого логова,
быть любимой, и, пусть в эконо-классе,
летать в красивые города.

(Продолжает, глядя в листик итоговый)
неужели я хочу слишком много?
Ну оставлю
 что-нибудь
 тут, на кассе.
без "любимой быть" посчитайте тогда.

Серебряный Бор

Девушка, условно назовём ее Птицей, потому что красиво, а имя "Птица" тут нами ещё никому не выделено, выходит на берег (Серебряный Бор, пляж номер 2) и на цыпочках к мальчику своему, громкому и брутальному. Мы его даже временно именовать не станем, потому что, честно сказать, беспричинно почти уже ненавидим его. Птица просто его обнимает сзади, мягким тычется клювом в холку и в ухо его, от наблюдателя дальше.

Значит, девочка прижимается к безымянному гаду-мальчику птичьей своей замороженной (смайлик) грудкой; Наблюдатель, тоже подмёрзший, стихотворение это смешное фиксирует в телефоне, в мобильном офисе. (Знаете это ощущение из детства, когда у тебя что-то ценное взяли, сломали, забросили на трансформаторную будку? Вот оно прямо в холке у наблюдателя бьётся, что странно: у него, если вспомнить, чего-то такого уж ценного не было вовсе).

3х3

Если пользоваться романтическим словарём,
то это "царицына поступь", "лебяжья стать":

- кавайные жилки на шее;
 - пух на крестце;
 - просвечивающие, как у кролика, уши;
- и ты, как и раньше, до дрожи в губах
хочешь с ней переспать?

— А знаешь, подумал и нет, не хочу.

— Да знаю, конечно.

Слушай:

На самом-то деле ты хочешь с ней ездить
по разным прикольным странам,
Проснуться в обнимку под летним солнцем,
как подobaет людям.

И (главное) быть ей не старшим, а просто:

- другом
- любимым
- равным

Но именно этого (ничего):

- никогда
- у тебя
- не будет.

Рыбный день (книга жалоб)

Шар

Вообразим себе шар, километр в поперечнике,
заполненный чёрной вязкой водой.
Вообразим себе медленных рыб, плывущих там
разнонаправленно и произвольно,
Предположим, что невозможно сделать различие
между этой рыбой и той.
Да, у этой грудной плавник поразвесистей, у той
пообкусанней хвост,
Но вода, напомним, черна. При соударениях рыбам
не больно.

Как в четыре вытаскивания определить, какая из них счастье твоё и радость?

(При условии, что вытаскивать незачем, нечем и некуда, ведь и мы, погляди, холодные рыбы в стеклянном шаре)

(При условии, что в черноте не поймешь,
плавниками надо вслепую шарить)

(При условии, что температура воды
понижается в день на градус)

это будет задача на тридцать, а тридцать для сдачи
мало,
вот ещё один пункт, с ним получится 34 балла:

требуется определить частоту столкновений, хотя бы грубо и процент лобовых – чтоб не жабра о жабру, а склизкие губы в склизкие губы.

Отделение

— Что у тебя здесь?

— Каждую ночь во сне
из детства тепло и ярко.
Тает сосулька вдоль позвоночника,
тает в темечке ком ледяной.

— Ты?

— До пятнадцати лет собирала зачем-то марки.
Каждую помню чётко,
лучше чем малых детей своих,
которые спят за стеной.

— Что у тебя?

— Рассказать-то нечего, всё у меня слава богу.
Можно, я лучше стихотворение в мои полминуты
прочту?

— Следующий, говори.

— Потом отменили северные, оплачиваемую дорогу.
Незачем стало маме работать в аэропорту.

— В очередь, у тебя?

— Женщины эти на стенах, туземный атолл отчизна
которых,
Автомобили феррари на вкладышах "турбо"
(красные не ценились, кстати),

были не просто радостью, а себе самому
обещанием,

начисто (ясно теперь) провафленным, с каким-то
даже задором —
типа не очень-то и хотелось, у меня тут своё —
духовное — алкопати.

(Двое в комнате: я и френдлента, и выжатые
пакетики чайные).

— Первые трое на выход, контейнеры с
жалобами оставляйте тут.

А ты, который про сиськи на стенах
рассказывал, жди.

Мулатки твои идут.

Тивит

Выезжать из съёмной квартиры
с каждым разом как-то тоскливей.
А хотел ведь всю жизнь просвистать по ним,
лайк э роллинг, чтоб его, стоун.
Но ведь именно тут я тросом стальным
ковырялся в осклизлом сливе.
А вон там мы огромной уютной ёлкой
поцарапали гипсокартон.

В книге жалоб и предложений по
улучшению мироустройства
нет страницы такой, чтоб без строчки моей,
нацарапанной маркером тонким.
Еле-еле нашел эти, в грубую клетку,
сумки из девяностых.
Грузовое такси почему-то дешевле
простой, с сидоками, "волги".

И пока грузовое летело к нам
по равнине трагічно-снежной,
Я достал тёмно-синий маркер для дисков,
писал у сумок на коже –
"счастье моё, я здесь и жду тебя";
а с другого бока, конечно –
**"Тивит никогда землёй не был
и никогда быть не может".**

Рыбы

Просыпаешься в десять в начале июня на тёплом
ветру и свету.
ощущаешь себя как в 15-16 — лёгким, пушистым и
белым.
А из зеркала смотрит робот с перфокартой, зажатой
во рту.
(Расскажи-ка теперь, что ничего для этого
специально не делал).

Да, из зеркала смотрит рыба с железным крючком в
губе.
Пузырями попробуй живым объяснить, что рыбой
стать не хотел;
да, лови плавниками тёплые ноги, рассказывай им о
себе.
Посмотрел на живых и ко дну возвращайся
скользить меж чешуйчатых тел.

Просыпаешься в десять в начале июня на тёплом
ветру и свету,
забываешь сны, вспоминаешь имя и список текущих
дел.
А из зеркала смотрит рыба с мотылём и крюком во
рту.
Ну звони живым и побулькай в трубку, что рыбой
стать не хотел.

Пирацетам

вот возьми с подоконника слева коробочку с
надписью "пирацетам"
разбуди человечка в коричневом твёрденьком
плащике, спящего там.
потряси, например, или там зажигалкой по лапке
пальни его, гада;
он проснётся, и усиками шевельнёт, и зашепчет:
"Отстаньте. не надо.

Нет, не помню, с какого момента
всё потекло не так;
если б мне в девятнадцать показали меня в
двадцать девять, я подумал бы:
"что за мудак";
да чего говорить, даже мясо во мне
всё с тех пор заменилось на свежее,
хоть и жёсткое, чёрное, горькое. И не помню ни
детства, ни снов. Так и где же я?
Где же
я?
"

Что там было, в траве под забором, в мокром мраке,
 тёплом и тайном?
 Собирался ведь посмотреть попозже – ни назавтра
 не смог, ни потом не.
 Может, ёжик там жил или полмотоцикла лежало
 ржавело в росе хрустальной
 Ни травы, ни забора, уже двадцать лет. Молодец
 хоть вспомнил.

Ну неважно, проехали, слушай, что изначально
собрался сказать я:
Всё отлично, только не надо больше вслух
проговаривать, где мы.
Ведь в рабочих посёлках женщины шьют в ателье
вечерние платья,
хоть пойти в этих платьях и некуда, даже в гробах
они не в тему.

Так и нам надлежи, как тем тётянкам, по
выкройкам "Burda moden",
Совершенствоваться, условно, в шитье сарафанов
из ситца.
(Вот давай я убитую "Ниву" куплю, в камуфляж
наряжусь – и в болота.
Или как-то ещё приготовлюсь к приключению,
которого
не случится).

Госпел

Я надеюсь, что просьба моя покажется слишком
ранней,
Но потом я забуду, так что сейчас. И, конечно,
спасибо.
Если можно — начиная от запуска моего умирания
и пока не закончу — хоть это
пусть будет красиво.

Потому что ну сколько можно быть персонажем
Зощенко
(жрать шаурму у метро, мама, жрать шаурму у
метро)
В растянутом свитере сером быть кодером и
тестировщиком
(тут хор негритянок вступает: "ай-е! шаурма у
метро!")
и помру-то нелепо, под сосулей случайной или
в шестёрке с нетрезвым извозчиком
(негритянки всем хором пускаются в пляс и
подмигивают хитро).

Да, за всю эту глупость и пакость — полагаю, что
право имею
хоть пятнадцать минут постоять на скале над морем
штормящим
в новом чёрном пальте, распрямившись, лицом
каменя
(да, я знаю, что это пошло, но кто там меня
увидит)?
хоть пятнадцать минут, а потом уже можно в ящик.

я с двенадцатого этажа смотрю на Москву,
 невыразимо прекрасную.
– Снежная королева! – к ней обращаюсь мысленно,
 – Нордическая валькирия моя!
Вывхватываю из темноты здания одинаковые, но
 такие незримо разные.
Слухом своим острейшим проникаю за окна,
 послушаю и вынырываю.

Шаркают тапками там, переключают каналы,
чайниками свистят добрые милые люди.
Уронили ёлочный шарик, он отскочил и совсем не
разбился, он же пластмассовый.
Плюс ещё домофоны пиликают весело,
предновогодние гости ленивых хозяев будят.
И сливается всё в красивейший трек шумовой
про Москву златоглавую белозубую синеглазую.

Только что это за раздражающий зуд вплетается в музыку

или наоборот выбивается
А это просто такой отвратительный человечек
плачет в одной из комнат
– Милое мое мироздание, дорогая моя Москва,
ну пожалуйста – шепчет – пожалуйста.

А дальше-то что? Чего именно просит?
И сам не помнит.

Нельзя

Скоро, радуюсь тихо, зима, чёрная с синим:
вместо пёстрых шуршащих дерев – строгость и
ясность линий
пятиэтажек и проводов. И глубокая заморозка
тоже вдруг расшуршавшегося красно-жёлто-
зелёным мозга.

Можно будет целыми днями просто работать,
на де_дасте расстреливать юношей по субботам,
в воскресенья гулять по району; тихо с горки по
льду скользя,
про себя повторять:
"некоторые вещи нельзя
некоторые вещи нельзя
(некоторые вещи нельзя)"

Скользкие

Прикольно смотреть, как небо у вас помещается в
донышке глаза.

И теплое солнце и яркие птицы в полуденном небе.

Я тоже их вижу. Да, птицы, действительно.

Но рыбы холодные, серые, скользкие, браза.

да, рыбы холодные, скользкие, тихие, быстрые,
бейби.

И этим они охуительны.

Пятый микрорайон

10

Сумерки в поле полыни за микрорайоном,
там, где бетонные плиты посередине.

запах костра – пенопласта и пакли палёной,
запах растёртой в ладонях тёплой полыни).

десять тропинок в полыни, у каждой тропинки
десять историй, известных всему массиву.

сумерки завершились. Над головами
столбики окон кухонь. Ага, красиво.

вова домой!' а зачем оно? тут интересней.
дома припадут ещё к заготовке солений
небо и ветер и радость как в песне как в песне
и засыпаешь и пахнут полынью колени)

Свинтрест

Я пройду по Токарной, сверну на Бригадную, там
постою в тени,
и на одноэтажной Индустриальной ещё постою в
тени,
Тень сегодня везде, потому что ноябрь, так вот
этому ноябрю,
И району Свинтрест, и себе заодно – скажу, уже
говорю:

"Вот любимые девочки, ни одна
из них тебе не дала
Вот любимый город, где нет
Твоего окна и угла
Вот винтажных чужих вещей
исполнены гаражи
Из того, что ты любишь, тебе
и полграмма не принадлежит"

1. У больницы шестой на пляж выползающий
Левиафан
 2. Самоцветные звери в пустых корпусах
медсанчасти завода ВЭМ.
- Эти снимки ищите в моём жж по ключевым словам:
Экстремальное краеведенье, абандон, смена 8М.

(Потоптавшись по трассе, поев шоферов,
возвращается Лёва в пруд,
В медсанчасти животные сели в кружок,
синим светятся и поют):

"Вот любимые девочки, половина
которых с тобой была
Вот и город, который полностью твой --
до ларька, помойки, угла
Вот, со сказочной гнилью и пылью внутри
ржаво-рыжие гаражи
А тебе из твоей туповатой любви
ни куска не принадлежит"

Ящик

если идёшь по дворам района Арбеково-ближнее
ночью
не знаешь, куда идёшь или вспоминать не хочешь
через дворы по диагонали, избегая светлых
подъездов
(обязательно без наушников, обязательно трезвый)

проясняется: ты не ты, а размазанный тут везде
наблюдатель
только что был песочницей, а теперь пластмассовый
красный солдатик
сидящий в каждой песочнице в любом из ее углов
а теперь ты не ты, а в твоей голове находящееся
маленькое НЛО

(даже и вправду можно присесть на бортик и в
темноту посмотреть
с высоты полметра
или лежать плашмя под кольцом баскетбольным,
антенны сложив, чтобы их не ломало ветром
ладони подняв, чтобы их охладило ветром)

пластмассовый красный (из песни) солдат
Вселенной,
дежурный по ночи апрельской (из песни), точнее
смотрящий
маленькое НЛО, преобразующее реальность в текст
и записывающее текст на проволоку в чёрный
ящик:

кто-то же должен всё это запомнить, сериализовать,
спасти отсюда наружу.

кажется, что только для этого ты и нужен
нет
кажется, что именно для этого ты и нужен.

Бакалея

Вот люди в исподнем в кухонных окнах
то сядут за стол,
то посуду помоют,
То шкафчик откроют и смотрят недвижно,
что там лежит внутри.

По лицам заметно, что люди в исподнем
тоненько **ти**хонько воют.
Ну воют и ладно,
воют и ладно.
ты за них говори.

А стоит ли нам пожалеть того,
кто сам себя не жалеет,
Кто плавает в жёлтом кухонном свете,
прячется в белом теле?
Кто тычет печальную мордочку в банки,
заполненные бакалеей?
Тебе теперь думать, что эти люди
Сказали бы,
если б хотели.

К югу

К югу дворами девятиэтажек
арбековских, белых, сладких.
Собою разламывая дворы
Наискосок, пополам,
По серым дорожкам, сплетающимся
на детских цветных площадках
в стальные узлы, и оттуда
растянутым по углам.

Нет края дворам, хотя мы давно
должны бы достичь Строителей,
и лес пересечь, и выйти к локаторам,
тут заблудиться нельзя.
Но каждый из призрачных этих дворов
мы раньше как будто видели,
И выросли в каждом, выцвели в каждом.
В каждом остались друзья.

Ведем их с собою. Тут навигатор
показывает определенно
локаторную поляну
в сердце массива лесного.
На самом же деле тут двор, собравший
Тропы всего района,
Знакомый до камня. Я не надеялся
Здесь оказаться снова.

Тут в центре площадки поставлена горка,
Красным и желтым крашена.
Оформленная пустой и гулкой
бабой на чайник.

Стальными листьями рыдает горько.
Фанерным кокошником машет нам,
Поскрипывает дощатой юбкой,
по нам скучает.

Тянет к нам руки с рисованным хлебом,
С солонкою многогранной.
Каждому стыдно, что долго не был,
и никому не странно.

Кажется, что мы стали живые, а были мёртвые.
А еще, что она нас сейчас соберет и домой унесёт.
Вспоминаю, что в юбке отодвигается вот эта доска,
четвёртая;
Голова пролезла, значит, пролезет всё.

Биосинтез

Вере.

А ничего и не надо из этого,
кто нас теперь заставит –
музыку не обязательно слушать
альбомами, по порядку.
Фильм недосмотренный можно стереть
И не катать на болванку,
И простыню ни к чему стелить
Как-то особенно гладко.

Хочешь смотреть в окошко –
в фортку тупи и висни.
Ёлку можно держать
хоть до нового Нового года.
Надо ж, в каких потаённых
И потненьких складках жизни
Прячется и находится
наша свобода.

* * *

Слишком много свободы, нахрен мне столько, зая?
Слишком ты нежно меня
Привязываешь к батарее.
вот и ремень твой брючный с кисти моей сползает.

– Слабо вяжу, я вижу. Может, уже старею.

* * *

От "Биосинтеза" изредка
тянет пенициллином.
Так биомасса разумная
Стонет в огромном баке.
А в потаённых пазухах
у теплотрассы длинной
орды клопов-солдатиков
Строятся в цифры и знаки.

* * *

Вот нам и справки об окончании
Двадцать второго класса.
Вот нам конфета «Цитрон» из подарка
И мандарина долька.
Вот мы выходим из дома, видишь,
В скверик у теплотрассы.
Сколько свободы, на все четыре,
Нам и не нужно столько.

Девочку в жёваном шёлковом
галстуке рыже-алом,
Мальчика с синей пастой на пальцах,
самого слабого в классе –
белую стеклотканью, белым коаксиалом
крепче нас надо было
приматывать к теплотрассе.

Промзона

1) это железнодорожная ветка,
прорастающая в тихое, сонное,
в бетонные оболочки клеток,
составляющие промзону,

где АТП и склады,
где люди и механизмы медленные,
облупившимися ржавыми гаражами
ветка облепленная.

2) а это, в крашенных самым поганым рыжим
гулких кривых гаражах
серые, сросшиеся, неразличимые
вещи лежат

3) а это канава с осокою,

4) а это тоска высокая

5) Это вот я растворяюсь. На шпале
связку ключей найдут.
шепчет промзона "исчезнешь, развеешься"
я не уйду, я тут
С вами останусь, гордо и медленно
реять (витать, кружить),
жирные лужи,
серые доски,
ржавые гаражи.

Площадка

Так и стоишь на осенней площадке
для выбиванья ковров
даже забыл, что хотел купить
(или просто выбрасывал мусор)
Трогаешь добрые морды
сырых деревянных бобров.
Ножка гриба над песочницей
Выполнена из бруса.

Выполнен ты из мяса,
кости, хитина, гноя.
Ветер в ветвях разнёс
помещение детского штаба.
Мимо прошелестело
солнечное, родное.
Мимо и до весны.
Не поймал, так вдохни хотя бы.

Космос

Линкоры

Мы выходим из парка и ловим такси,
И внезапно как будто тонем
В моментальном сгущенье
предпраздничной майской,
Третьей от выпуска ночи.
И при этом еще, вот сейчас же, стоим
На холодной гранитной ладони
У Империи, для которой мы, кстати,
гораздо ценнее прочих.

(В этом сне на самом деле главное — город.
Белый и строгий, как крапивинский Севастополь,
но больше раз в десять.
На рейде его огромные, каких никто никогда не
строил,
линкоры,
И один из них будет мой, как закончится отпуск.
Остался месяц).

Пыль

всё ничего, но зачем так руки трясутся
вроде нормально, но что ж меня так колотит
что происходит, ведь я ж офицер, и даже
папа мой был урядником в космофлоте

* * *

Плановый медосмотр прилетевших с Плутона
стажеров-монтажников
Извините, - говорит доктор - отсюда никто не
выйдет.

В дверь забрасывают маску с кожаным клювом
и трость с золотым набалдашником.
Доктор делает шаг туда,
а выброса спор из стажера и встречной стены огня
Он уже не видит.

Степлер

1.

Углядел в канцтоварах степлер такой же точно,
Как на третьем курсе одногруппница взяла
попользоваться

и сломала

И купил; и решил вообще всё утраченное
найти и заныкать в норку.

Потому что радости будет много,
а денег уйдет немного и даже мало.

Вот вернулся домой, создал в экселе страницу:
Сломанные во дворе игрушки, украденные в школе
марки.

и на двадцать четвёртой строчке заснул
просветлённый. Снится,
как из праха встают и сияют нездешним светом
Канцтовары, игрушки, ушедшие в люди кассеты,
из ларьков девяностых трогательные подарки.

Эта строчка стихотворения является точкой сбора:

- 1) Велосипеда "Кама" складного, угнанного с дачи,
- 2) Десятка растерянных в политехе ластиков
со зверушкой, называемой кохинором,
- 3) Семи медиаторов, (их особые медиаторные гномы
непонятно зачем крадут,
неизвестно куда прячут).

2.

Всем повезло, что наш дурачок вспомнил даже про
медиаторы,
но не вспомнил про зажигалки.
И что свет выключали и файлик исчез.
Нам ни капли не жалко.

Потому что, как точно известно любому, читавшему
эту страницу,
Если кто соберёт все утраты свои, то сложатся света
стороны:
белая, зелёная, красная, оранжевая, жёлтая, синяя,
добавочная чёрная —
и Вселенная наша с грохотом
внутри себя упростится.

Упростится, как школьная дробь,
скобки изнутри разрывая,
И свернётся до степлера. Будет степлер.
(Нет, не тот, что в начале, конечно. Так вообще не
бывает).

Аристарх

Мысленно пробурили шахту к Южному полюсу
Северного полюса от,
Прыгнули туда человека, назовем Аристархом,
он падает с возрастающей скоростью,
от центра земли на юг
уже с убывающей скоростью,
Почти долетел до Южного полюса,
но сопротивление воздуха и перепад высот –

Поэтому снова вниз и так до момента
полного затухания и покоя в центре Земли.
(Никого еще эти мысленные эксперименты
до хорошего не довели).

Ну и как Аристарх выбраться? Проползти шесть
миллионов метров
в любую сторону
по отвесной стене?
Или жить в середине земли,
в невесомости, ангсте, мертвых пингвинах и белых
медведях,
прочем с обеих сторон прилетевшем говне?

Да, воистину, участь нашего Аристарха жалка,
будущее нечётко,
настоящее жутко,
прошлое неинициализировано
и забито мусором наполовину.
Единственное развлечение (и источник белка)
– ловля кровавых ошметков
от столкновений нордических мишек
и черных южных пингвинов.

– Ничего-ничего, давай об этом лузере побыстрее
забудем
и придумаем не дурацкую дырку в земле, а
что-нибудь
действительно нужное людям.

– да, надо быстро занять
наши головы чем-то другим,
чтоб Аристарх не шептал нам
из центра Земли
"помоги"

* * *

(также надо скорей
заварить крепчайшего чаю,
новое что-то придумать,
доставая из шкафа кружки,
спорить погромче, ложками
брякать и морщить лоб,

Громко и ясно спорить,
чтоб не услышать случайно,
как ничего не шепчут
больше уже друг дружке
забытые в прошлом опыте
Ева, Алиса, Боб).

или вот, поучительная история о мальчике Ластике,
обитавшем
на колхозном рынке, в рядах, где торгуют черной
малиной
среди бабок, приветливых к мальчику, а для
покупателей страшных
бабок с чёрными пальцами, прилавков
неестественно длинных

как однажды Ластик, заскучавший от черной
малины и рынка и бабок
отправился в путешествие, для чего поплыл через
оказавшееся рынок
тёплое озеро с лилиями и водомерками, и внезапно
приплыл обратно --
оказалось, что озеро замкнуто на себя, без складок
и без разрывов

потому что ни мальчика Ластика, ни водомерок, ни
чёрной малины нет
их иллюзорное бытие обусловлено калькулятором
одной из бабок.
небольшая машина Тьюринга, встроенная в
калькулятор,
одну секунду времени Ластика обсчитывает около
тысячи лет

да, хозяйки тоже не существует, но её калькулятор
все-таки есть,
это трудно понять, это не объяснить, да и незачем
объяснять:
как становится ясно ближе к концу, это рекламный
текст.
позвоните сейчас, закажите карманное устройство
бытия
на рассыпухе серии K155

Arial

В середине комнаты письменный стол, а на нём
деревянный ящик
там, под ящиком, лист А4, с этими девятнадцатью
строками
и на ящике и на столе – нарисованные зелёной краской,
корявой, с потёками –
инвентарные номера, которые сразу же делают сцену
осязаемой и настоящей.

Но нет никакого номера или подписи на листе.
Только чёрные, высотой 11, набранные ариалом,
Девятнадцать строк, эти самые девятнадцать строк висят в
пустоте
(Normal, с выравниванием по центру, с двойным
интервалом).

Круто, чувак, ура. У тебя получился сам на себя
замыкающийся текст.
попробуй теперь объяснить, на черта ты сам-то сюда
полез.

Потому что (сейчас оглядись и сверяйся с текстом) –
без дверей и без окон стены, в обрывках обоев синих;
а теперь отрываешь кусок обоев, и там газеты.

а посмотришь, так в них, вместо длинных статей про
съезды
повторяется "lorem ipsum...", жирным курсивом,
и картинка везде одна, и как будто принтером сделана, не
оффсетом.

на этом и завершается твой замечательный
самоописывающий текст.
скажи же, ведь всё было круто, пока ты его не придумал
а после зачем-то и сам в него не залез.

Культура

Мраморная крошка составляет 60-80 процентов
объёма пола,
остальное цемент, иногда с пигментом, в нашем
случае красным.
В поликлиниках часто встречается, в кинотеатрах и
школах.
Вот и с этим холлом дома культуры более-менее ясно.

Убедимся, что мы не ошиблись: ну да, в туалете
частично утраченные, замазанные раствором,
стеклоблоки зелёные.

Убедимся повторно: на стенде у входа конкурс
"рисуют дети":

Все рисунки о том, как массово гибнут фашисты:
пешие, мотоциклетные, конные.

карандашные взрывы фашистов выбрасывают
из картины,
но они пришиты к листу огненными пунктирами.
Местный ВИА почти дописал и уже вовсю

репетировал
рок-оперу "Маленький принц", судя по нотам и
текстам.

Дом культуры как Дом культуры. Предсказуемое
место.

Ладно. Ключ отнесём на вахту, сигнализация, но
сначала шторы задёрнем.
План ДК не снимаем, он типовой. Всё фиксируем,
ничего не уносим.

Два вопроса осталось:

Во-первых, это здание, из восьмидесяти второго года
выдернутое с корнем,
как попало на астероид L-двадцать восемь?

Может, просто оно тут из пыли и звёздного света
самозародилось случайно?

Или кто-то его специально тащил в середину жёлтой
пустыни?

Во-вторых: у вахтёрши в камерке стоит алюминиевый
электрический чайник.

Он бездонный и непроглядный внутри, а снаружи
горячий, и никак не остынет.

Элеватор

Это огромный парк из канадских клёнов,
в центре его стоит большой элеватор.
Тихо шуршат в аллеях прямых и тёмных
древние листосборные автоматы.

У автоматов на панцирях светятся тонкие желтые
рунки,
что-то вроде инвентарного номера, насколько я
понял.
Робот пучок нагрёб, уполз к элеватору, кинул в
бункер.
Сорок машин на линии, общий суточный сбор
приближается к тонне.

В бункере, в толще листьев, посерединке,
в крепкой палатке с лишним десятком дуг
дышим, читаем книги, лежим в обнимку.
Если кто вышел, оставшийся мерит время,
используя собственный сердца стук.

Оставшемуся невыносимо хочется выбраться тоже,
но кто-то один внутри оставаться должен.

Потому что мы поглотители осени, так у нас и
записано в подкожных флэшках, рейсовых
книжках
критическая масса листьев набрана, и осенность в
палатке больше природного фона
в тысячи раз
а если бы нас тут не было, в бункере непременно
бы выбило крышку
если бы мы не лежали тут, зая, если б не было нас.

Что с нами делает осень своим излучением плотным!
Нас отбирали как самых циничных, не склонных
к лирике, по специальным тестам,
Только зачем-то я непрерывно пишу вот такие
шуршащие, в руках рассыпающиеся тексты,
только зачем-то и ты непрерывно рисуешь жёлтых и
рыжих смешных животных,
которых никогда не существовало и существовать
не может,

но которых я тоже откуда-то знаю.
Пожалуйста, не называй меня больше "ёжа",
а я постараюсь не называть тебя "зая".

а если бы нас тут не было, полных светлой печали
и бессмысленной жалости ко всему жёлто-красному
свету
то элеватор бы лопнул, и окончательная зима
накрыла бы нашу, неназванную пока, планету.

Деструкторов

Запомни, пожалуйста, главное — мы тут были.
И я не прошу о подробностях
— слова, юзерпики наши и как мы на ощупь —
А просто: вот были такие
и поодиночке сплыли.
Чего уж проще.

Я просто немножко боюсь
потеряться при свёртке стека
— а так и случится с каждым, кого никто
не припомнит —
Когда нас потянут из кладбищ, блогов,
из пыли в коврах наших съемных комнат
цепочкой деструкторов
Для жизни грядущего века.

На ощупь

Шёлк и бархат

Шёлк и бархат с кистями – ледяная истома,
 пионерская нега.
 Всё к фашистам хотел на допрос, ничего бы им
 не сказал,
 (Так подробно мечталось: «пантера» у школы,
 пыточный актёрский зал,
 В алом галстуке, флаге дружины на голых плечах
 На расстрел босиком по снегу.

Ацетатный шёлк прохладный на ощупь, на вкус
не помнишь;
Первый снег у крыльца обжигающий мокрый,
на вкус не помнишь;
Звеньевая твоя в том же флаге дружины на тёплое
голое тело
Ничего не сказала тоже и так же, значит,
к расстрелу.
Близко-близко идёт и смеётся, Да как её звали? Не
помнишь).

Не случилось фашистов. И славно! А шёлк
и бархат –
Вот по левую руку алый шёлк настоящий,
Вот по правую руку бархат исчерна-чёрный,
А никак не найдёшь того галстука –
рыжего, мятого, мокрого – слёзе.

События

Всемирный день горя под эгидой Юнеско.

Минута молчания и сосредоточенной ярости.

Федеральная программа поддержки застарелого
одиночества.

Скучный, казённый общегородской месячник тоски.

Проспект Могущества, аллея Истома, набережная

Блеска.

Праздник Лени, Весны, Неминуемой Тихой Старости.

Достаточно потеплело, чтоб физкультурницы были в
футболках.

Достаточно холодно, чтобы, если сильно захочется,
увидеть под тканью соски.

Пенопласт

Потолки белёные над головами нас,
заняты мы сладким и бессмысленным делом,
делом занимаемся – делим пенопласт;
пенопласт грызём хрустящий, давимся белым.

Мелу истолчённого насыпали в солонку,
ножиком скрежещающим пилили каравай.
Шорох пенопласта на зубах почувствуй холкой.
хлопковую скатерть закуси за край.

Стенка

Странно ли, что тебе, чьим первым эротическим впечатлением
было
не что-нибудь подходящее, а фотокопия рафаэлевского
св. Себастьяна,
найденная среди фотокопированных же повседневных молитв,
фиалкового мыла,
вафельных полотенец – за диваном, в окованном сталью
фулляре баянном –

Странно ли, что тебе, познававшему взрослый мир путём
отыскания
потаённых запретных предметов в глубинах т. наз. "стенок",
сервантов, комодов
(Что там, впрочем, могло найтись? "Спид-инфо", наивные
выпуски ранние,
или – на VHS кассете – третья копия "календаря Playboy"
восемьдесят девятого года) –

Повторяю, чего тут странного, что теперь тебе и с людьми
как-то стало тошно,
и охота тебе завести (теперь уже собственную) югославскую
стенку
(с мини-баром, бронзовой фурнитурой, поверхностью
матовой).

Полезай в самый верхний отсек (но хрусталь не побей,
осторожно),
спрячь себя, сохрани, раз в году вынимай, сортируй по
размерам, оттенкам,
пересыпав пылью с обмылками,
стопками складывай.

С именем звезды

Купил я кораблик для склейки, из школы идя, по
дороге.

Шпангоуты, реи, форштевень и киль, и парус
шёлковый тонкий.

Тут мама заходит и принуждает садиться делать
уроки.

– Читатель, мне тут неуютно. Можно,
я выселюсь из ребёнка?

– Ребёнок смывает клей со стола, ставит на полку
кораблик.

Из ранца учебник достал, открывает, а там
происходит кино

о том, как у мальчика с девочкой было
по бесконечному количеству яблок,
а мальчик зачем-то у девочки отнял ещё одно.

И яблочный сок в рукава затекает, и склеились
плотно пальцы.

Корабль недоклеенный сладко пахнет, яблоко
выкусом скалится.

– Попробуй отмойся, под ванной за сливом стоит
растворитель, мальчик.

– и мальчику как-то темно и тоскливо,
и девочка горько плачет.

Иприт

Когда-то все вещи на белом свете
делали сразу надолго.
Из крепкого дерева, теплой меди,
кожи, стекла и шёлка.
Снаружи крепили медную планку,
где кислотой травили,
кто делал огранку, кто вышел изнанку,
Строчку смешных фамилий.

(Конечно, я знаю, что это жлобство:
'взял в руки и маешь вещь'.
Я сам ничего своего не сберег
и не собираюсь беречь.
Но линзы и литеры в черных футлярах!
Только о них тут речь).

Однако прогресс и новейшие важные
опыты показали,
Что вещи живут неприлично протяжней
ломких своих хозяев –
Стоит себе цацка и, лаком сияя,
играет свою 'рио-риту',
Тогда как хозяин скукожился в яме,
нахапавшийся иприта.

И каждый с тех пор понимает как жлобство
фразу про 'маешь вещь'.
Зачем тебе вечные вещи, когда ты
себя-то не можешь сберечь?
(А старые медные штуки прекрасны – только
об этом речь).

Иприт2

Анекдотические пулемёты "Максим", танки еле
ползущие, почти что без
брони. А это чего, дирижабли? – уржаться можно. А
это баллоны газовые.
Вот авиатор в дурацких очках и в коже в летучую
этажерку полез.
Глянь-ка, собрался руками прям из кабины бонбы
на головы сбрасывать.

Бомбы хватать, за борт швырять, артиллерии цели
указывать,
Чтоб артиллерия жажнула жёлтым крестом, зелёным
крестом и простыми фугасами.
Я бы с таким вот оружием тихо по странам своим
сидел, никому бы его не показывал.
Как им всей этой смешной ерундой удавалось людей
убивать, да ещё так массово.

Наст

Так. вырезаем кубический
километр пустого пространства,
Дно выстилаем плитами
белого пенопласта,

Это у нас получилась
заснеженная равнина
С лёгким наклоном к условной речке,
С твёрдым неровным настом.

Ёлок добавим чёрных,
звёзд наберем неярких,
Надо людей теперь
выпустить из гримерки,

Чтобы сюжет пошёл
новогодний, весёлый, долгий.
Первый кузнец, второй,
участковый и три доярки.

Как это будет тошно,
Суетно, шумно, долго.
Слышишь, они в гримерке
бьются, галдят, не ладят.

Мы их не пустим. Сами
Встанем, на звезды глядя.
Или же снегом синим
ляжем на ёлки, ёлки.

Работа в офисе для Скорпионов

Одноклассники

*Господи, как не хочется возвращаться в школу.
А, похоже, всё к этому – сны, социальные эти сети,
отпускные фоточки одноклассников и одноклассниц,
загорелых и полуголых.
"Я в машинке",
"В кресле Большого Начальника".
Натуральные дети.*

В самом деле, я верю, что скоро, когда мы внезапно
погрём,
Не с родными нам вечность тянуть. И ясно уж, что
не с любимыми.
А в воняющем краской классе, нескончаемым
сентябрём
Тусоваться с вернувшимися из жизни
Ленами, Катями, Димами.

Пацанам-то полегче – мы ж как роботы, без затей;
А у девочек будут – помните? – потайные такие
тетрадки,
Где фольга от конфет, фотографии бывших детей,
Письма бывших мужей и гербарии – именно в этом
порядке.

Колобок

Безумная круглая булка разговаривает со зверями.
Чудовищно, что тут скажешь; последние времена.
Начинка слегка подтухла; черствеешь, ночуешь
в яме;
натёрлась о корни и травы смотрящая сторона.

Но есть, однако, и плюсы: фитнес, бассейн,
страховка,
опять же природа: берёзки, могилки, лес, пригорок,
река.
Сегодня встречался с зайцем, завтра митинг с
полёвкой.
Лиса ещё далека.

Вервольф

Ближнее подмосковье,
дом на краю посёлка.
Кто там пошёл за водкой?
кто побежал за кровью?
кто превратился в волка?
Зыбко всё и нечётко.

Ночь и восточный ветер,
ивы, вода и тина
в лунном неярком свете.
Тени черны и длинны.

Ближнее подмосковье,
первая электричка
курсом на Павелецкий.
Кто обернулся клерком,
менеджером-логистом,
в тамбуре курит винстон.

Что ему делать, волку
с фенечкой на запястье –
бегал всю ночь, а толку.
Хочется спать и плакать;
осень, тоска и слякоть;
привкус железа в пасти.

Энтропия

С каким мудаком ни едешь в купе, а послушай его
и всё ему расскажи.
Любой человек прекрасен хотя бы тем, что тёпл
человек,
разговорчив, округл и жив.

Не просто же так именно этот вот скучный чувак дан
тебе в ощущениях.
Вот это оно и есть, называется "роскошь
человеческого общения".

И то, что его не засыпало снегом в палатке в
обнимку
с трупом твоим твёрдым
и то, что тебя не засыпало чернозёмом в окопе
вдвоем
с половиной его трупа
так это считай Мироздание и Провидение,
сёстры-близняшки, любят тебя
и целуют тебя в морду
и за уши треплют, и чешут загривок –
ласково-весело-грубо.

(А люди лучше всего смотрятся не в окопе, не в беге
и не в казенной вагонной постели,
а лучше всего они смотрятся, когда с энтропией
бьются
когда, например, становятся к мойке, чтоб вымыть
вилки, накопленные за всю неделю,
а также чашки и блюдца.

и жмётся под мойку испуганное Неустройство Всего,
ему там никак не устроиться
и капает едкое фейри на шкурку его,
и кран с кипятком никак не закроется.

никто не отпустит теперь из-под раковины
ощетинившийся мировой хаос,
не оставит его в покое.
вот так человек на минуту становится богоподобен,
он создаёт Порядок железной рукою).

Да даже когда в вагоне сидит и семки грызет, всё
равно это лучше,
чем если б его вообще не произошло.
ведь он, например, занимает объем, который при
прочих раскладах могло занимать
какое-нибудь абсолютное зло .

поэтому надо наушники вынуть, когда
путешествуешь в поезде,
с полки своей спуститься и за жизнь с человеком
перетереть.
пока не окоп, пока не лавина, пока из-под полки не
вылезло всякое
и не устроило тут и потом везде
тепловую смерть.

Вода

"Так и устроен твой город, в котором
много воды, воды:
Стоки, цистерны, поля аэрации, переплетенья труб.
В белом колодце, на пульте диспетчерском, в смену
ночную ты
уровни смотришь, задвижки включаешь, смотришь
тихонько ютуб:

Ищешь рекламу на песню Моби, (там были
дельфины, вода)
я не нашёл, это значит, что ты
тем более не найдешь.
// здесь, например, строка, заканчивающаяся
словами "вообще никогда"
// здесь, например, строка, заканчивающаяся
словами "нескончаемый дощщь"

Так и устроен мой город, в котором
много песка, песка.
Видишь, проснулся под вечер, леплю
серые куличи
вылепил – тащишь наружу, тоска; но булькнет
в кармане скайп
кто позвонил, тот пускай начинает,
так что теперь не молчи.

"не было там газироффы, я сухариков ффзлял и
печенья,
яичного порошка, молока сухого. Всё засыпал
в старые формы для куличей."

это стихотворение набрано, но не отправлено
в поле текстовых сообщений
каменного смартфона, найденного в куче сырого
песка,
рядом со связкой ключей.

Крокодилы

По офисным коридорам, как крокодилы
по водопроводным трубам,
разбегаются женщины и мужчины друг другу чужие.
А за спинами их лифты схлопывают обрезиненные
губы:
сначала малые, потом большие.

Зажигаются желтые окна, заводятся сплит-системы,
суровые дядьки в галстуках расходятся по местам.
Вдруг девочке на ресепшене падает мейл
с незаполненной темой,
а там! –

И что ей ответить андеррайтеру из отдела
автостраховок?

Да как-нибудь, думаю, разберутся. Взрослые люди.

Главное, что я не хотел ничего плохого.
Ничего плохого, значит, у них не будет.

Ёжик

В лесу стоит громадный ржавый Танк
И вся живая тварь его боится.
Он плачет под бронёй: – Ну как же так?
За что мне выпало Машиною родиться?

Тут Бог к нему подходит: – Так-так-так...
Иголки, нос, живот, две пары ножек..
Иди, не плачай. Вовсе ты не Танк,
Ты – Ёжик.

Лето кончится не скоро

А просто
в каком-то ближайшем году
лето не завершится.
Точнее, не будет осени – месяц, другой и третий.
И как-то никто не вспомнит, что надо бы торопиться
Наездиться в душных плацкартах, сделать тысячу
снимков

В полыни, в песке и в солнце,
и в ветре,
и по уши в лете.

Мы медленно будем двигаться в пыльных зелёных
собаках,
(да, сразу договоримся – ни скорых, ни самолётов)
И этим, истинным, летом – всё, что хотели, увидим
Везде побываем долгим
летом последнего года,
О коем нам будет заранее явлена
Тысяча точных знаков.

Платформа Арбеково в яблоках бурых уже ожидает
нас
И ждёт нас Семейство Саграда, а мы
В тамбуре курим и ржём.
Могила Канта, сосна в Царицыно, горы Арга-Таас –
Да мало ли что нам вспомнится,
Ведь всё непременно успеется.
Рузаевская электричка где не проедет,
там проползёт
ужом.

**В ладонях
попынь**

Вход

Зато у меня есть что-то, чего никто не отнимет.
Правда, никак не схвачу словами – не поддаётся.
В последний раз почти получилось последним
вечером лета,
когда я шёл на углу Тернопольской и Рахманинова
мимо мусорных баков, где новый дом.

Вспомнил какую-то степь, пыль и полынь, родное
нехитрое имя;
и там тоже были тряпки и доски у серой дороги
под жёлтым солнцем.
И, как бы сказать. Так много прохладного воздуха
и тёплого света,
что не оставалось ни места для наблюдателя,
ни необходимости в нём.

С тех пор я хочу научиться писать прозрачные
тексты,
в которых нет ни субъекта, ни духа его, ни тени;
лишь общие описания статичных сцен с небольшим
пересветом,
неконкретные прилагательные, неточные серые
рифмы,
никаких вообще глаголов.

Чтоб в этих ландшафтах никто не сумел найти себе
места,
как, помните, в доктора Филина масленичной
картине;
чтоб каждый понял и принял, что нигде ему места
нету:
реальность округла, обла, озорна, гладка,
объективна –

без зацепок – для нас,
без щелей – для нас,
без разрывов, склеиваний, проколов.

Механизмы

Целый день сегодня механизмы смазывали:
проворачивали ломом шестерни, плюхали солидол
горстями.
Обрабатывали метиленовым синим воспалённые
скважины газовые,
обменивались с управляющими щитами свежими
новостями.

В баллонах остался воздух. Обновляя стенные
метки,
вдоль Большого Кардана идя, успели добраться
до слюнных желез на минус втором этаже.

Там всё высохло: залили свиною кровью и натром
едким;
устье, ясно, открылось, но тут пробило семнадцать –
предпраздничный день. Внутрь пойдём после
майских уже.

Смрт

1.

Полик ли подметаешь, сёстры, жалеешь ли
муравьишку, братцы –
пишешь на самом деле всегда об одном и том же,
стараешься явно не обозначать, хотя непонятно,
зачем стараться,
это же всё равно у любого текста под тонкой кожей:

смерть как прекращение существования белкового
тела,
смерть как тихое мягкое лёгкое слово, написанное
по снегу мелом.

2.

Тут все ребята посёлка оказались на одном пустыре
у завода.
Начали строить это из битого шифера, ломаного
горбыля, палок каких-то, сучьев.
Вроде, с одной стороны, это как бы постройка,
только без входа.
Или, с другой стороны, контрабас, только очень
корявый, а также беззвучный.

Или просто кусок пространства, неважно чем
вырезанный из остального –
горбыль так горбыль (ну красивое слово),
шлакоблоки так шлакоблоки.
Каждый пальцами чувствовал, как и куда приладить
кирпич, картонку, брусок сосновый.
Но никто не знал, что должно было получиться и
получилось в итоге.

Тут подошел водитель КАМАЗа и сел перед нашим
коштом:
«Ребята, да вы же построили смерть в масштабе
один к сорока трём».

3.

также должен заметить, что в дни отвратительной
ясности,
ненависти или (забавное слово) уныния
мне подают пример и надежду предметы и
существа,
вынужденно ставшие крайними:
Птицы, являющиеся узлами невидимой конструкции,
не дающей небу схлопнуться в линию;
Ящик, сдерживающий напор земли четырнадцатью
(я посчитал в уме и мог ошибиться) гранями.

Under construction

Вот в такие уютные тусклые дни мне не жалко
домашних страниц
на "народе", заброшенных under construction в две
тысячи первом,
и хозяев страничек не жалко, фотографий их кошек
и птиц,
Их болванок, уже нечитаемых. Им и не надо,
наверно.

Нет, напротив – тихая радость за тех, кто не тащит
всё за собой.
и за тех, кто когда-то прощенья просил – и кого, не
простив, забыли.
За болванки – покрытые листьями,
паутиной, суглинком, пылью,
растворяемые природой – с завершённой
счастливой судьбой.

Эти дни специально чтоб мусор пинать, чтоб
смотреть круги на воде,
чтобы с радостью ощутить и привыкнуть: "я никогда
нигде".

Синим

Мысленно войдём в эту маленькую комнату — детскую, ковровую — в уютной хрущобе. Вот стоят кассеты, вот постеры приколоты с группой "Чёрный кофе". Печально? Ещё бы.

Дети разбежались, не забрали Спрингстина: в семьях у детей в проводах интернет. Из бессветной комнаты мы выходим мысленно через дверь закрытую на кухонный свет.

Только за спиной у нас, в двухкассетной "Веге" под лентопротяжкой, в одной из пустот — что такое дышит, выпускает побеги, позвякивает, светится синим, растёт?

Безмолвие

Входим в безмолвие белое. Изогнутые железные
прутья
торчат из сугробов. Сваи вколочены несколько лет
тому.
!Бочка из-под солярки радостно отзывается на удар
ногой!

И снова безмолвие. Встали в центре его на
перепутье.
Решаем, дальше идти или домой, водку пить
на дому,
там потому что тепло. А тут зато свет и покой.

Дышит безмолвие, давит. Да нет же - гладит
ладошкой по мозгу.
Кто обернулся не вовремя тут, превратился в серую
сваю
С надписью чёрной, собой представляющей жизни
его итог –

Цифра одна или две через дробь или галочка или
полоска.
Что это значит, не знает никто. Дай я угадаю.
Я угадаю и ты превратишься обратно. Потерпи-ка
чуток.

Лесополоса

Перед лесополосой поле, в поле овраг, а в овраге
глина.

За лесополосой другое поле, овраг в нём более
длинный.

В каждом из этих оврагов ни труп не лежит, ни
другой отвратительной тайны
Они не содержат – ни ближний овраг, ни дальний.

Что же скрывает в себе чёрная лесополоса?

Чьи она помнит предсмертные голоса?

Кого тут к деревьям привязывали кожаными
ремнями?

Что чернозёмом присыпано в неглубокой глиняной
яме?

Нет, не случилось тут Страшного, и Мерзкого в яме
нету.

Здесь и людей-то не было с две тысячи пятого лета.

Место не жуткое, просто серое и тоскливое
невыразимо.

Я собираюсь думать об этом месте целую зиму.

Каждый, кому по какой-то причине сегодня плохо, пусть этой ночью увидит светлый спокойный сон: медленный, скажем, день, полный полыни (куда без полыни) и чертополоха, брошенных металлоконструкций, раннего сентября, древних промзон.

как настроение?
ровно :)
где ты?
похоже, нигде
чем занимаешься?
стою у костра, запаленного на рассыпающейся
бетонной плите.

(эту занятную гильзу оставлю себе, потому что ну я же ее нашёл
рядом стоят и смотрят на небо — все восемь, я посчитал — любимые люди
радуюсь, глядя на них — все живы, всё молча, всем хорошо;
вот не могу поверить, что завтра из них никто этот мой сон даже помнить не будет).

Ящерка

я вернулся - живая ящерка в левой руке, в правой
пучок полыни.
ничего не принёс другого, потому что там нет
ничего другого.
и за пазухой камешек тёплый, потрогай - скоро
остынет,
а уже не положишь на место, не нагреешь на солнце
снова.

остальное всё как-то шустро и скользко проходит
между руками:
бабки, тряпки, метры в квадрате - и что я тебе
несу?

только ящерку, только полынь и в нагрудном
кармане камень,
разогретый июньским солнцем.
январь на носу.

Выход

стало у нас невесомое мясо, полые кости, тонкая
кожа:
весь медленный тёплый ветер земли (она неоглядно
большая)
сквозь нас протекает,
мы ему не мешаем,
Не замедляем, не отклоняем —
не можем.

Сухая трава без имени, светло-серый конячий
череп,
несколько километров степи по всем шести
сторонам
Ветер становится суше, теплее и крепче:
мы, как всегда, последние в очереди,
но скоро и нам.

Только давай постоим уж сколько осталось,
разреженными телами обнявшись крепко, насколько
можно.
чувствуешь, как проникают сквозь руки руки,
сквозь кожу кожа
как вымывает горячим ветром радость, тоску,
усталость

череп лошадкин, наверно, не просто так череп,
а как бы знак:
здесь начинаются или кончаются чьи-то угодья

я ведь всегда хотел
только с тобой и именно так —
не поверхностями соприкасаться,
а пересечься всем телом, объемом, плотью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. Пермяков. В рамках борьбы с ледяным адом	5
Такие девчонки	9
Смородина	10
Железо	11
Алабяна	12
Из DarkCity	13
Из кофейни	14
На кассе	16
Серебряный Бор	17
3x3	18
Рыбный день (книга жалоб)	19
Шар	20
Отделение	21
Тивит	22
Рыбы	23
Пирацетам	24
Burda moden	25
Госпел	26
Просит	27
Нельзя	28
Скользкие	29
Пятый микрорайон	31
10	32
Свинтрест	33
Ящик	34
Бакалея	35
К югу	36
Биосинтез	37
«Вот нам и справки об окончании...»	38
Промзона	40
Площадка	41
Космос	43
Линкоры	44
Пыль	45
Степлер	46
Аристарх	48
«(также надо скорей...»	49
Ластик	50
Arial	51

Культура	52
Элеватор	53
Деструкторов	55
На ощупь	57
Шёлк и бархат	58
События	59
Пенопласт	60
Стенка	61
С именем звезды	62
Иприт	63
Иприт2	64
Наст	65
Работа в офисе для Скорпионов	67
Одноклассники	68
Колобок	69
Вервольф	70
Энтропия	71
Вода	73
Крокодилы	74
Ёжик	75
Лето кончится не скоро	76
В ладонях полынь	77
Вход	78
Механизмы	79
Смрт	80
Under construction	82
Синим	83
Безмолвие	84
Лесополоса	85
Аська	86
Ящерка	87
Выход	88

Владимир Навроцкий
В ладонях полынь

Издание Приволжского филиала
Государственного центра современного искусства

Отпечатано
в Приволжском филиале
Государственного центра современного искусства
г. Нижний Новгород, Кремль, корпус 6

www.ncca.ru/nnovgorod

